

РОССИЙСКИЕ БАРДЫ И РИМСКИЕ КЛАССИКИ: ГОРАЦИЙ И БАРДОВСКАЯ ПОЭЗИЯ

АННА УСПЕНСКАЯ

Анна Викторовна Успенская — доктор филологических наук, профессор кафедры философии и культурологии Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов, Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: uspenskaia@ Rambler.ru

В статье отмечается весьма любопытный литературный факт, а именно факт влияния римского классика Горация на российскую бардовскую поэзию и в принципе на российских авторов середины XX века. Как оказывается, именно этот античный поэт стал востребованным в эпоху оттепели и сразу после нее, его ситуация, его чаяния и настроения совпадают с чаяниями и настроениями поколения «шестидесятников». Есть определенное сходство в политическом характере эпох — есть определенное сходство в поэтических переживаниях. Иногда можно обнаружить, возможно, нечаянную близость бардовских стихов к горацианским мотивам, иногда присутствуют скрытые и даже тайные, но прямые отсылки. В качестве такой скрытой цитаты можно отметить знаменитое стихотворение, также ставшее бардовской песней, поэта И. Бродского «Письма Римскому другу», сопровождаемое подзаголовком «Из Марциала», тем не менее в точности повторяющее стилистику и тематику, характерную именно для Горация. Но наблюдаются и открытые цитаты, и даже прямые переводы Горация, превращаемого бардами в песни. Примером может служить стихотворение-песня М. Щербакова «*Ad Leuconoen*», представляющее собой вольный перевод оды Горация I, 11. В русской литера-

турной критике XIX века, да и в советской официальной критике Гораций рассматривался как великий античный классик, но одновременно как поэт скорее аполитичный, безразличный к общественным и моральным проблемам, поэт эпикурейской наклонности. В то же время в его поэзии, создававшейся во времена общественной стабильности, близкой к стагнации, отражается чувство неопределенной тревоги, тоски, экзистенциального напряжения, предчувствия грядущих катаклизмов, которое оказалось близким российской творческой интеллигенции 1960-80-х гг., и оно же может быть весьма актуальным для нас сегодня.

Ключевые слова: бардовская поэзия, Гораций, А. Городницкий, И. Бродский, М. Щербаков

RUSSIAN BARDS AND ROMAN CLASSICS: HORACE AND SOVIET BARDS' POETRY

Anna Uspenskaya

DSc in Philology, Professor St. Petersburg University of Humanities and Social Sciences, St. Petersburg, Russia.

E-mail: uspenskaja@rambler.ru

The article notes a very curious fact about Russian literature, the fact of the influence of the Roman classic Horace on the Russian bardic poetry and Russian authors of the mid-20th century at all. The author shows that the great ancient poet became in demand during the Khrushchev Thaw, and immediately after it. Horace's situation, aspirations, and moods coincide with the aspirations and moods of the generation of the "sixties" in the Soviet Union. There is a certain similarity in the political character of epochs — there is a certain similarity in poetic experiences. Sometimes we can find an unintentional closeness of bardic verses to Horatian motives, sometimes there are hidden and even secret, but direct references. As such a hidden quotation we can note the famous I. Brodsky's poem "Letters to a Roman Friend" with the added subtitle "From Martial". It also became a bardic song exactly repeating the style and theme of Horace. But there are also straight quotes and even direct translations of Horace turned into songs by the bards. An example is M. Shcherbakov's poem-song "Ad Leuconoen" which is a free translation of the ode of Horace I, 11. In Russian literary criticism of the 19th century, and Soviet official criticism, Horace was considered as a great classic, but as an apolitical poet, indifferent to social and moral issues, a poet of epicurean inclination. At the same time, his poetry which was created in times of social stability close to stagnation reflects a feeling of indefinite anxiety, melancholy, existential tension, a premonition of impending cataclysms which

turned out to be close to the Russian creative intelligentsia of the 1960s and 80s, and it can also be relevant to a modern situation.

Keywords: bard poetry, Horace, A. Gorodnitsky, I. Brodsky, M. Shcherbakov

На первый взгляд соотнесение творчества римского поэта Горация и российской бардовской поэзии советского и постсоветского периода может показаться неожиданным. Гораций — из классиков классик, его поэзия всегда считалась изящной, изощренной, но холодноватой, рациональной. В XIX веке, когда ироническое отношение к классицизму XVII–XVIII веков, а также и к его римским предшественникам стало уже общим местом, демократическая критика в России стала представлять Горация еще и безыдейным, он казался блестящим, но легко-весным поэтом формы. Когда Афанасий Фет в предисловии к своим переводам од Горация назвал его философом, известный филолог-классик, переводчик С. П. Шестаков выразил решительный протест, ибо видел римского поэта совершенно аполитичным и безразличным к умственным и нравственным спорам своего времени: «Великие исторические события того времени [...] не сильно возбуждали его вдохновение» (Shestakov, 1856b, 564), — писал он. «Философия не привлекла к себе Горация» (Shestakov, 1856b, 567). «...Гораций не эпикуреец, не стоик, но и не эклектик. Он вовсе не философ. Он чисто поэтическая натура» (Shestakov, 1856b, 568), то есть — этакий беззаботный певец вина, веселья, любви и красоты. «Его муза была игривая и легкая; она не любила останавливаться долго на одном предмете; как бабочка, или как пчела...» (Shestakov, 1856a, 625). Выражая мнение большинства читающей публики, Н. Г. Чернышевский писал о фетовском переводе четырех книг од Горация: «Мы привыкли искать в лирической поэзии пафоса, пламенного одушевления, страсти. Пафос же Горация — золотая середина. Это поэт формы, тонкой и тщательной отделки [...] Такое содержание не увлечет людей нашего века» (Chernyshevskii, 1948, 507, 509).

В советское время официальная идеология, в сущности, разделяла эту точку зрения и Горация почти не издавали. Вышедшая в 1935 году книга од в переводах Н. И. Шатернико-

ва быстро стала библиографической редкостью. Однако, как говорили римляне, *habent sua fata libelli*, и пути восстановления влияния Горация на русскую поэзию оказались неожиданными. Достоинно удивления, что к поэзии этого утонченного, исполненного духовного аристократизма римлянина обратился жанр наиболее демократический, популярный в советское время — бардовская песня.

* * *

Бардовская поэзия, чей расцвет начался в середине XX века, с приходом «оттепели», романтична, она исповедует двоемирие — для лирического героя существуют мир обыденный и *иной*, но происходит это не как у традиционных романтиков, удалявшихся в пространство мечтаний и грез, далекого исторического прошлого, экзотики или фантастики. Для бардов окружающий мир в его прекрасных или отталкивающих проявлениях совершенно реален, обладает бесспорной ценностью. При этом бардовская песня далека от рационально-дидактической стихии классицизма (и его обновленной, советской формы — социалистического реализма), она ассоциативна, эмоциональна, субъективна. Рассудочное, рациональное начало здесь уходит на второй план. Однако в лучших своих образцах (А. Городницкий, Б. Окуджава, А. Галич, В. Высоцкий) от личных мимолетных, фрагментарных жизненных впечатлений она с удивительной легкостью устремляется к универсальному и бытийному.

Именно в этой точке прежде всего проявляется сходство бардовской песни с поэзией знаменитого римлянина. Тут возможно говорить и о типологической, и о генетической близости. Именно у Горация случайные, фрагментарные жизненные впечатления, захваченные силой лирического чувства, дают внезапный взлет, озарение, выход к ключевым проблемам человеческого бытия. Оды Горация (Goratsii, 1993) демонстрируют необыкновенную пестроту тематики, в них масса бытовых подробностей: «злая сдается зима», веет весенний ветер, машины стаскивают сухие корабли на воду (Ода I, 4); выпал глубокий снег и наступил лютый мороз (Ода I, 9); упало дерево и чуть не задавило поэта (Ода II, 13); посреди знакомого Сабин-

ского леса он встретил огромного волка, но не испугался, ведь он сочинял песню о любимой Лалаге — и волк ушел прочь (Ода I, 22); вот постарела бывшая подруга и утратила былую популярность (Ода I, 25); вот пора пить — ведь Октавиан победил наконец царицу Клеопатру (Ода I, 37); вот хочет вернуться подруга Лидия, ушедшая недавно к другому (Ода III, 9); вот веет фракийский ветер, спутник весны, «времена пробудили жажду» (*adduxere sitim Virgile tempora*) то есть захотелось выпить и он зовет в гости Вергилия (Ода IV, 12); а вот вернулся из ссылки его друг и соратник Помпей — и хочется вспомнить времена гражданской войны, крайней опасности (*tempus ultimum*), последнюю, проигранную битву за римскую республику, и опять же необходимо выпить! (Ода II, 7). Тонкий интерпретатор поэзии Горация Афанасий Фет замечал, что Гораций «писал свои стихи почти исключительно на ежедневные события (*Gelegenheits-gedichte*)», и при этом «можно сказать, один в целом мире умел возводить эти случайности на высоту художественных произведений» (Fet, 2006, 32). Причем взлет от мелкого и, казалось бы, случайного — к общему, от бытового — к онтологическому происходит мгновенно. Сухой рациональный способ письма здесь был бы бессилён: Гораций не просто размышляет, он — чувствует. Не забудем, что мы называем стихотворения Горация Одами, сам же он называл их *Carmina* — песни. Они и являются песнями.

Сходство определяется и общественно-историческим моментом. Вольнолюбивый Гораций, когда-то сражавшийся за поправленную Римскую республику, постепенно расстался с мечтами о политическом переустройстве общества, он видел, что страна, отвергнувшая кровавый путь конфронтации и выбравшая диктатуру Августа, а вместе с ней — стабильность и консерватизм, продолжает жить, и даже не без блеска. Каково истинное отношение Горация к нарождающейся империи — мы не знаем, но кое о чем можем догадаться. Отказ от политической карьеры, уединенная жизнь на лоне природы, демонстративное превознесение бедности, маленький круг избранных друзей-единомышленников, отказ от всяческих неистовых страстей и требований — как к обществу, так и к судьбе, творчество, опирающееся на постижение внутреннего мира — вот основные

постулаты исповедуемой поэтом философии золотой середины. Но вообще-то это очень похоже на внутреннюю эмиграцию.

Бардовская поэзия расцветает в то время, когда мечты о кардинальном переустройстве общества также уходят в прошлое, мечты «о той единственной, гражданской» и о пассионарных «комиссарах в пыльных шлемах» (Б. Окуджава), хоть и продолжают маячить в отдалении, но ощущаются уж совсем невоплотимой экзотикой. Страна все больше обретает имперские черты, стоит, как кажется, непоколебимо. С уходом сталинизма остается все меньше идеологических причин для активной оппозиционности. В то же время идеологически, нравственно и эстетически государство «зрелого социализма» удовлетворяет либеральную интеллигенцию также все меньше и вызывает желание отойти в сторону, замкнуться в своем мире природы, друзей, искусства. Не случайно побег в мир вольной природы становится одним из ведущих мотивов, и в своем сниженном, травестированном варианте образует чрезвычайно популярную «туристскую песню».

Таким образом, с Горацием бардовскую песню роднит духовная свобода, отсутствие социально-политических клише, индивидуальный поиск истины и красоты в обыденной жизни, стремление отгородиться от замшелого идеологического догматизма, желание уйти в личный, тщательно выстроенный мир «золотой середины», природы, дружбы, поэзии; роднит и известное разочарование во всякого рода «больших проектах». Государство не идеально, но оно и не может быть лучше; это и есть «золотой век» (о золотом веке социализма наиболее прозорливые уже догадывались в брежневскую эпоху). При этом государство может стать значительно хуже.

* * *

Один из показательных примеров того, как горацианское начало проникает в бардовскую поэзию — знаменитая песня А. Городницкого «Перекаты». В ней обнаруживается вполне горацианский переход от жизнелюбивого оптимистичного звучания веселой песенки о геологах-первопроходцах, смело плывущих по горной реке, мечтающих о бабах и водке — к неразрешимому онтологическому вопросу. Бурная река

течет по перекатам, течет и река жизни — и известно куда. За летом неизбежно следует осень, но человек выпадает из природного круговорота:

К большой реке я
Сегодня выйду,
А завтра лето кончится.
И показать я
Не должен виду,
Что умирать не хочется.

(А. Городницкий. Перекаты)

Упоминание о смерти в таком контексте может показаться неожиданным, но в свете философской поэзии Горация это совершенно естественный поворот мысли. Во многих стихотворениях римского поэта настойчиво повторяется смысловой ряд: весна, радость жизни, бесконечный круговорот времен года, и человек, выпадающий из природного цикла, ибо для него жизнь конечна (Оды II, 14; IV, 7; IV, 12 и др.)

Снег последний сошел, зеленеют луга муравью [...]
Холод Зефиром сменен; весна поглощается летом,
С тем, чтоб и лето прошло;
И уже сыплет дары плодоносная осень, чтоб вскоре
Стала недвижно зима.
Месяца в небе ущерб возмещается быстро луною;
Мы же, когда низойдем
В вечный приют, где Эней, где Тулл велелепный и Марций, —
Будем лишь тени и прах.

(IV, 7. Пер. А.П.Семенова-Тян-Шанского)

(Goratsii, 1993, 163)

Осознание этого несет горечь, но порождает и мудрость, и мужество — только они и остаются в удел человеку. В свете соотношения песни Городницкого с поэзией Горация возникает обратная интертекстуальность: если от ощущения радости, энергии, полноты жизни Городницкий переходит к мыслям о смерти, то и реальное путешествие по реке, чреватое опасностями («владеют камни, владеет ветер моей дырявой лодкою») оборачивается аллегорической картиной путешествия по реке жизни, наполненной далеко не только природными превратностями. Так благодаря гораццианскому лирическому приему песня Городницкого приобретает многомерность, полисемантическую универсальность звучания.

Именно лиризм, чувствительность делает горацянскую «философию золотой середины» такой человеческой — и такой популярной. Одно из самых известных стихотворений И. Бродского носит название «Письма римскому другу» (Brodskii, 1994, 284-286). Бродский не являлся бардом, хотя мелодика стиха для него представляла особую важность, на выступлениях он, фактически, пел свои стихи. Но благодаря, в первую очередь, известному барду А. Мирзояну и его последователям, стихи его превращались в песни, бешено популярные в достаточно широких кругах в 1970-80-е годы. Одной из самых знаменитых песен стали «Письма римскому другу» Трудно сказать, почему Бродский поставил подзаголовок «Из Марциала», возможно даже по цензурным соображениям. Самым очевидным источником «Писем», конечно, являлся не знаменитый насмешник, но в то же время вполне сервильный поэт серебряного века, а именно Гораций.

У Бродского «Письма римскому другу» буквально проникнуты горацянским идеалом «золотой середины»: скромное сельское уединение вдали от столицы с ее политикой и интригами, маленький круг друзей-единомышленников, достоинство и спокойствие души, обретающей покой вдали от шума бесчинной толпы, одинокие радости творчества, духовная свобода — вот достойный идеал мудрого человека. У Горация этот идеал сформулирован многократно, особенно в оде II, 10 (К Лицинию) или в сатире II, 6:

Вот в чем желания были мои: необширное поле,
 Садик, от дома вблизи непрерывно текущий источник,
 К этому лес небольшой!.. [...]
 И дозволит ли жребий
 Мне то в писаниях древних, то в сладкой дремоте и лени
 Вновь наслаждаться забвением жизни пустой и тревожной! [...]
 Пир достойный богов, это радостный ужин с друзьями...

(Сатира II, 6. Перевод М. Дмитриева)
 (Goratsii, 1993, 163)

У Бродского читаем:

Приезжай, попьем вина, закусим хлебом
 Или сливами. Расскажешь мне известья...
(И. Бродский. Письма римскому другу)

Горацианское Послание I, 16 представляет любопытную смесь житейски-расчетливых соображений и возвышенных философских размышлений. Рядом соседствуют и поэтические описания имения — и размышления о хорошем урожае плодов, ягод и даже желудей для скота; поучения, расточаемые вороватому крестьянину-рабу, соседствуют с размышлениями об истинной добродетели, не страшнейшей самой смерти. У Горация житейская мудрость принимает форму иронических рассуждений, он слишком хорошо знает, от чего он стремится дистанцироваться. Он отказался стать личным секретарем Августа — поступок, исполненный скромного мужества, ибо есть предложения, от которых трудно отказаться. В сатире II, 6, рассказывая притчу о двух мышах, городской и сельской, Гораций недвусмысленно отвергает столичную жизнь, с ее тревогами и опасностями в пользу добровольного деревенского уединения. Слова Бродского продолжают и выявляют мысли Горация:

Пусть и вправду, Постум, курица не птица,
Но с куриными мозгамихватишь горя.
Если выпало в империи родиться,
Лучше жить в глухой провинции у моря.
И от Цезаря далеко, и от вьюги,

Лебезить не нужно, трусить, торопиться.
Говоришь, что все наместники — ворюги?
Но ворюга мне милей, чем кровопийца.

(И. Бродский. Письма римскому другу)

Обращения к друзьям с призывом разделить его уединение, пожить вдали от суеты — тема целого круга од и посланий Горация. Но при этом умение наслаждаться каждым мгновением жизни, важное в горацианской системе ценностей, соседствовало у римского поэта со спокойным и мудрым отношением к смерти. В оде II, 14 («К Постуму») он пишет: «Увы мой Постум, Постум, уносятся / года проворным бегом и святостью / морщин и старости грядущей / не отдалить, ни могучей смерти» (Goratsii, 1993, 90). (Стоит заметить, что обращение к Постуму в стихотворении Бродского может свидетельствовать в пользу Горация как первоисточника).

Бродский воплощает эти идеи в блестящей афористичной форме:

Вот и прожили мы больше половины.
Как сказал мне старый раб перед таверной:
«Мы, оглядываясь, видим лишь руины».
Взгляд, конечно, очень варварский, но верный. [...] *Скоро, Постум, друг твой, любящий сложенье,
долг свой давний вычитанию заплатит.*

(И. Бродский. Письма римскому другу)

Обращение к ясному, цельному жизненному и творческому опыту Горация, умевшего ценить дружбу с вельможей Меценатом, не забывая при этом, что собственный его отец был рабом, спокойно относиться к власти, и в то же время превыше всего ставить внутреннюю свободу, суверенитет частной личности, призывавшего наслаждаться каждым мгновением жизни, принимать ее такой, как она есть, не предъявляя ей непомерных требований, не впадая в деструктивные крайности, придает «Письмам» Бродского универсальный характер. Гораций, творчески переработанный современным поэтом, оказывается близок нам, несмотря на двадцативековую пропасть.

Неверно представлять Горация аполитичным писателем. Он горячо откликался на ужасы гражданской войны. Об этом свидетельствуют эподы 7 и 16, а также ода I, 14 «К Республике», в которой Гораций представляет грозную картину корабля, попавшего в бурю — то есть государства, охваченного смутой. Наконец, на это указывает ода II, 7, обращенная к Помпею Вару, с которым они сражались когда-то за республиканские свободы, и даже теперь, при всевластии Августа, Гораций не боится упоминать свои битвы под руководством мятежника Брута. Таких примеров множество.

Не удивительно, что автор политических песен Александр Галич находил в Горации что-то близкое себе. В цикле «Литераторские мостки» в стихотворении, посвященном трагической судьбе Даниила Хармса, он пишет:

А в дверь стучат,
А в дверь стучат,
На этот раз — к нему!
О чем он думает теперь — теперь, потом, всегда —
Когда стучит ногою в дверь *чугунная беда* (курсив наш — А.У.)
А в дверь стучат (двадцатый век!)
Стучат как в темный лес.
Ушел однажды человек и навсегда исчез!..

(А. Галич, «Легенда о табаке (памяти Даниила Хармса)»)

Образ беды — гибельной судьбы, смерти, стучащей ногой в дверь — это явная цитата из оды Горация I, 4: *“Pallida Mors aequo pulsat pede pauperum tabernas regumque turris”*:

Бледная ломится смерть одной все и тою же ногою
В лачуги бедных и царей чертоги

(Перевод А.П.Семенова-Тян-Шанского) (Goratsii, 1993, 31)

Но если у Горация речь о грустной человеческой судьбе, которой не избежать никому, то у Галича образ чугуновой, железной смерти, грохочущей ногой в дверь, соединяет в себе и реалии репрессий 30-х годов, грохот вполне реальных сапог, с символическим образом неотвратимой гибели, ибо таковы были архетипические взаимоотношения поэта и власти в России времен террора. При этом сам эпитет чугуновой беды имеет и конкретный древнегреческий источник. «Железноногая беда» встречается у Софокла в трагедии «Царь Эдип»: Тиресий грозит Эдипу: «И тебя двойным ударом за мать и за отца изгонит из этой земли судьба ужасноногая» (Sofokl, 1852, 417-418). Согласно древнегреческим фольклорным представлениям, у судьбы были железные ноги, а потому она шла медленно, но неотвратимо. У Галича фольклорный образ железноногой судьбы, воспринятый через посредство Софокла и Горация, становится олицетворением беспощадного советского рока.

Иногда в Горации видели больше, чем говорилось в его стихах. Интерпретация выявляла, реализовывала глубинные особенности, смысловые пласты, заложенные в самом подлиннике — как это происходит, например, в знаменитом пушкинском переводе оды Горация II, 7 «Кто из богов мне возвратил...». К словам Горация *“O saepe tecum tempus in ultimum / deducte Bruto militiae duce...”* Пушкин прибавляет нечто, отсутствующее в подлиннике:

Кто из богов мне возвратил
Того, с кем первые походы
И браней ужас я делил,
Когда за призраком свободы (курсив наш — А.У.)
Нас Брут отчаянный водил?

(А. С. Пушкин. «Кто из богов мне возвратил...»)
(Pushkin, 1948, 389)

Эти слова — «призрак свободы» — не только отражают пушкинское отношение к собственным юношеским вольно-

любивым мечтаниям, но и реализуют возможности, подспудно таящиеся в латинском подлиннике.

По этому пути пошел и замечательный российский бард Михаил Щербаков, написавший, в частности, стихотворение-песню *“Ad Leuconoen”* — так на греческий лад, с использованием падежа *accusativus graecus* часто называют оду Горация I, 11.

Важнейшими особенностями поэзии Щербакова критики называют интертекстуальность, эклектичность, любовь к палимпсесту, когда различные культурные слои сливаются в совершенно новое и органичное единство. В этом тоже можно увидеть близость к Горацию, чья поэзия — энциклопедия самых разных мотивов греческой лирики. Л. Аннинский писал об интертекстуальной насыщенности поэзии Щербакова: «Мир Щербакова — отзвуки, отсветы, отсверки. Мозаика, калейдоскоп, цитатник, хрестоматия, камера кривых зеркал». А также: «...Он берет мотив (легенду, мифологему, синтагму, образ, интонацию, иногда просто чужое слово) [...], чтобы дать почувствовать, что этого “нет”. Что это “зря”» (Anninskii, 2008).

Филологическое образование дало поэту возможность аккумулировать и опыт римской поэзии, отсылки к которой в творчестве Щербакова можно увидеть немало. Один из любопытных примеров: в песне «То, что хотел бы я высказать...» стоит целый ряд латинских слов. На вопрос о цели этой странной вставки, по свидетельству Д. Быкова, Щербаков ответил в том смысле, что тут полагался скрипичный проигрыш, но за невозможностью организовать последний он вынужден прибегнуть к нескольким благозвучным иноязычным словам (Вуков, 2008).

Критика упоминает и еще об одной особенности его поэзии — внешней холодности и рационалистичности, спокойном и ироничномприятии современного иррационального бытия: «На мой взгляд, сегодня эпохе обесценившихся смыслов и утраченных ориентиров (что, возможно, и к лучшему в смысле личной ответственности и свободы) предельно адекватен Щербаков, снова размывающий смысл слова, предельно рациональный внешне, совершенно иррациональный внутренне» (Вуков, 2008). Немало говорилось и о характерном для Щербакова пафосе темы «всеобщего» разочарования, который сво-

дится к тому, что менять что-либо уже поздно. Человеческая жизнь трагична, смысла нет ни в прошлом, ни в настоящем, ни, тем более, в будущем, что не отменяет стремления принимать жизнь такой, какая она есть, даже если одолевает и физический, и экзистенциальный холод:

Действовать ли мне дальше? И если действовать, то в каких морфемах?
Тоном каким бравировать, молодецки глядя в глаза зиме?

(М. Щербаков. Целое лето)

Брось, холод, стараться.
Подул и подумал, что всех напугал.
Чего мне бояться?
Всё в точности вышло, как я полагал.

Гирлянда провисла.
Вернулся в Канаду рождественский гусь.
И после — ни смысла,
ни вымысла даже. Но я не боюсь.
(М. Щербаков. От Рождества)

Эти мотивы напоминают оду Горация I, 9:

Смотри: глубоким снегом засыпанный,
Соракт белеет, и отягченные
Леса с трудом стоят, а реки
Скованы прочно морозом лютым. [...]
О том, что ждет нас, брось размышления,
Прими как прибыль, день нам дарованный
Судьбой...

(Перевод А.П.Семенова-Тян-Шанского) (Goratsii, 1993, 37)

Д. Быков, один из ведущих литературных критиков, не отказывает «самому главному барду нового поколения» в изобретательности при создании новых форм выразительности, но, интерпретируя содержательную часть его песен, заостряет свое внимание по преимуществу на нигилистической, деконструирующей составляющей его творчества, говорит о «забалтывании пустоты». Отмечая такие качества поэзии Щербакова, как виртуозность, блистательность и безупречность формы, Быков утверждает, что песни Щербакова являются изящными, восхитительными по тщательности отделки безделушками, и выдвигает тезис о бессодержательности поэзии Щербакова: «Щербаков — один из немногих, кто умудрился сказать так много (прежде всего количественно), не сказав при этом почти ничего нового» (Быков, 2008).

Примечательно, что, как мы говорили выше, в XIX веке критика такой же упрек адресовала Горацию. Однако, представляется, что Быков слишком суров к собрату по перу — если в ряде песен Щербакова мозаичная экспрессивность действительно размывает смысл, но лучшие из них стали классикой современной поэзии.

Один из наиболее интересных интертекстуальных опытов Щербакова связан с непосредственным обращением к Горацию. Неслучайно мы начали свой рассказ о нем с упоминания переложения Щербаковым гораціанской оды «К Левконое». В самом названии четко указан источник, вероятно, автору было важно подчеркнуть переключку с Горацием, это привнесло в текст дополнительный смысл.

Гораций в оде I, 11 пишет:

Не расспрашивай ты, ведать грешно, мне и тебе какой,
Левконой, пошлют боги конец, и вавилонские
Числа ты не пытай. Лучше терпеть, что бы ни ждало нас, —
Дал Юпитер в удел много ль нам зим или последнюю,
Что в скалистых брегах ныне томит море Тирренское
Бурей. Будь же мудра, вина цеди. Долгой надежды нить
Кратким сроком урежь. Мы говорим, время ж завистное
Мчится. Пользуйся днем, меньше всего веря грядущему.
(перевод С. В. Шервинского) (Goratsii, 1993, 39)

У Щербакова же мы читаем:

Не кричи, глашатай, не труби сбора.
Погоди, недолго терпеть.
Нет, еще не завтра, но уже скоро
Риму предстоит умереть.

Радуйся, торговец, закупай мыло,
Мыло скоро будет в цене.
Скоро будет все иначе, чем было.
А меня убьют на войне.

Не зевай, историк, сочиняй книгу,
Наблюдай вращенье Земли.
Каждому столетью, году, дню, мигу,
Сколько надлежит, удели.

Ветер подымается, звезда меркнет,
Цезарь спит и стонет во сне.
Скоро станет ясно, кто кого свергнет.
А меня убьют на войне.

Смейся, Левконой, разливай вина,
Знать, что будет, ты не вольна.

(Но) можешь мне поверить, по всему видно,
Что тебя не тронет война.

Знать, что будет завтра, много ль в том толка!
Думай о сегодняшнем дне.
Я ж, хотя и знаю, но скажу только,
Что меня убьют на войне.

(М. Щербаков. Ad Leucoenoen)

Песня Щербакова написана в 1987 году. Только что окончившееся 18-летнее правление Брежнева многими соотносилось с 45-летним правлением Августа. Но стабильность не бывает вечной, и перед обитателями Советского Союза, привыкшими к «золотому веку», замаячили предвестники глобальных перемен. Гораций иронизирует над обывателем, который попусту любопытствует, но не в силах ни предугадать, ни предотвратить грядущие события, да они его, возможно, и не затронут. Бывают грозные эпохи всеобщих катаклизмов, когда, по выражению Ахматовой, «гибнет не герой, а хор». Но бывает и так, как произошло в новелле Вашингтона Ирвинга «Рип ван Винкль»: исторические события прогрохотали над проспавшим 20 лет героем, в стране изменилось все — а для него, маленького человечка, затаившегося в складках истории, все осталось по-прежнему. Вот и Левконое стоит наслаждаться моментом, не думая о грядущем. У Щербакова в эту же когорту профанов попадают торговец и историк, которые, возможно, даже извлекут пользу из грядущей бури. Лирическому герою, в отличие от легкомысленной Левконои, дано знание и объективных законов истории, и предчувствие собственной судьбы, а потому он исполнен мужественного, героического фатализма. Судя по тону горацанской оды, будущее не сулило радости и Горацию. Впереди у Рима Серебряный век, век жестоких императоров, тотального террора и унижения человеческой личности. Мог ли знать об этом Гораций, умерший в середине августовского царствования? Мог ли Щербаков знать в исполненном надежд на перестройку 1987 году, что в скором будущем у Советского Союза — поражение в холодной войне, распад страны, две чеченских войны и т. д.? Но визионерская, пророческая сущность большой поэзии неотменима.

Мужественный пессимист, философ, мудрец, певец золотой середины, Гораций уже много раз за 2000 лет оказывался

созвучен настроениям поэтов разных эпох. Особенно это проявляется в моменты кризисов. Бардовская поэзия, возникшая, *как казалось*, на переломе от сталинизма к «социализму с человеческим лицом», а *как оказалось* — в начале тяжелейшего кризиса и разрушения Союза, — обратилась к античности, к Горацию в поисках универсальных сюжетов и образов и римский поэт с его песнями оказался близок к современной песенной стихии.

REFERENCES

- Anninskii, L. (2008). Abyssal Speaker. In *Sbornik statei o tvorchestve Mikhaila Shcherbakova*. Retrieved from <http://blackalpinist.com/scherbakov/Praises/annin.html> (In Russian)
- Brodskii, I. (1994). *Collected Works*. Vol. 2. St. Petersburg: Pushkinskii fond Publ. (In Russian).
- Bykov, D. (2008). Landscape with Shcherbakov. In *Sbornik statei o tvorchestve Mikhaila Shcherbakova*. Retrieved from http://blackalpinist.com/scherbakov/Praises/bykov_pejzazh.html (In Russian)
- Chernyshevskii, N. G. (1948). *Full composition of writings*, Vol. 4. Moscow: Goslitizdat Publ. (In Russian)
- Fet, A. (2006). Reply to the article of the “Russian Bulletin” about the “Odes of Horace”. In *Sochineniia i pis'ma*, Vol. 3 (157-175). St. Petersburg: Folio-Press Publ. (In Russian)
- Goratsii. (1993). *Collected Works*. St. Petersburg: Studia biografika Publ. (In Russian)
- Pushkin, A. S. (1948). *Collected Works*. Vol. 3. Moscow: Khudozhestvennaia literature Publ. (In Russian).
- Shestakov, S. (1856a). A few more words about the Russian translation of the Horatsievs about. *Russkii Vestnik*, 6, 620-646. (In Russian)
- Shestakov, S. (1856b). Odes of Horace, translated by Mr. Fet. *Russkii Vestnik*, 1 (3), 562-578. (In Russian)
- Sofokl. (1852). *King Oedipus*. Moscow: Goslitizdat Publ. (In Russian)
- Uspenskaia, A. V. (2008). *Antiquity and Russian literature: motives, images, ideas*. St. Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo Gumanitarnogo universiteta profsoiuzov Publ. (In Russian)